

Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
Казакский национальный педагогический университет имени Абая
Kazakh National Pedagogical University Abai

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ И СТИХОВЕДЕНИЯ

Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығына және
көрнекті қазақ ақыны Мұқағали Мақатаевтың 90 жылдығына арналған
"Поэтика және өлеңтану мәселелері ІХ"
Халықаралық ғылыми-теориялық конференциясы
20-21 мамыр 2021 ж.

Международная научно-теоретическая конференция
"Проблемы поэтики и стиховедения ІХ",
посвященная 30-летию Независимости Республики Казахстан
и 90-летию выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева
20-21 мая 2021 г.

International scientific and theoretical conference
"Problems of poetry and prosody IX"
is dedicated to the 30th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan
and the 90th anniversary of the outstanding Kazakh poet Mukagali Makatayev
20-21 May 2021

Алматы, 2021

УДК 821.512.122.0 (063)
ББК 83.3(5 Каз)
П 78

Главный редактор:

д.н.н., профессор Т.О. Балыкбаев.

Научный редактор:

д.ф.н., профессор Абишева С.Д.

Члены редколлегии:

*к.ф.н., доцент Поляк З.Н., ст. преп. к.ф.н. Хавайдарова М.М.,
к.ф.н., доцент Ибраева Ж.Б., к.ф.н., и.о.ассоц.профессора Байшукурова Г.Ш.,
к.ф.н., доцент Маймакова А.Д., ст. преп.к.ф.н. Поляк Д.М.,
доктор PhD и.о.ассоц.профессора Сабирова Д.А.,
доктор PhD и.о.ассоц.профессора Серикова С.К.,
ст. преп.магистр Абуова Б.П., докторант 3 курса Умарова А.Б.*

Технический секретарь:

Нурбаева А.М.

Рецензенты:

*Нефагина Г.Л., д.ф.н., профессор (Польша, Слупск),
Белобровцева И.З., доктор PhD, профессор (Эстония, Таллинн),
Джолдасбекова Б.О., д.ф.н., профессор,
член-корр. НАН РК (Казахстан, Алматы)*

П 78 Проблемы поэтики и стиховедения: Мат. IX Международной науч.-теоретич. конф., посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 90-летию выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева (20-21 мая 2021 г.). – Алматы: «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2021. – 374 с.

ISBN 978-601-353-019-2

В сборник вошли материалы Международной научно-теоретической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 90-летию выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева. Конференция проведена кафедрой русского языка и литературы Института филологии и полиязычного образования КазНПУ им. Абая. Основные разделы сборника отражают различные подходы к изучению текста современными учеными-филологами. Первый раздел посвящен исследованию творческого пути выдающегося казахского поэта Мукагали Макатаева. Остальные пять разделов сборника включают литературоведческие и лингвистические исследования, а также статьи по актуальным проблемам филологического образования в вузе и школе. Среди авторов сборника – известные отечественные, зарубежные ученые и молодые начинающие филологи.

Сборник предназначен специалистам-филологам, преподавателям высшей и средней школы, студентам, магистрантам, докторантам PhD, а также всем, кого интересуют проблемы изучения литературы и лингвистики.

УДК 821.512.122.0 (063)

ББК 83.3(5 Каз)

ISBN 978-601-353-019-2

КазНПУ им. Абая, 2021

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ТРАДИЦИИ СТИХОВЕДЕНИЯ

Е.В. Казарцев, Д.Ю. Долженко, Н.И. Емельянов
(Россия, Москва)

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
kazar@list.ru

ОСОБЕННОСТИ РИТМИКИ ПРОЗЫ ПОЭТА: ПОЭТ-ПРОЗАИК И ПРОЗАИК-ПОЭТ*

* Публикация подготовлена по результатам проектного исследования «Метрическая организация стиха во взаимодействии традиций» №20-04-023 программы «Научный фонд» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2021 году в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации (5-100).

В русском стиховедении сложилась традиция изучения ритмики стиха на фоне художественной прозы. При этом ритм прозы, в основном, оценивался как нейтральный языковой фон по отношению к стихотворной просодии. Статистические исследования ритмических структур прозы были начаты в работах русских формалистов, прежде всего у Г.А. Шенгели [Шенгели 1923]. В 1960-е гг. был дан новый импульс изучению ритма прозы, он связан с работами группы акад. А. Н. Колмогорова, направленными на создание так называемой языковой модели (ЯМ) русского стиха, которая рассчитывалась прежде всего для одного из наиболее распространенных размеров русской классической поэзии – четырехстопного ямба (Я4) [Колмогоров 1968; Колмогоров, Прохоров 1985].

Как известно, в основу ЯМ положено три гипотезы: гипотеза о независимости, гипотеза об однородности и гипотеза о постоянстве вероятностей. Речь идет об однородности распределения ритмических слов в прозе, о их независимом распределении, и о том, что вероятности (частоты) их распределения на разных участках текста одинаковы. Проверка данных гипотез в некоторых случаях достаточно сложна и трудоемка. Для того чтобы испытать языковую модель и доказать успешность ее работы и справедливость тех гипотез, которые положены в ее основу, был применен метод расчета так называемой речевой модели (РМ). РМ строится на основании распределения «случайных ямбов» в русской прозе. По идее распределение этих стихоподобных фрагментов прозы должно быть таким, как предсказывает вероятностная ЯМ. Данные языковой и речевой модели должны совпадать.

В большинстве испытаний это так и происходит, что в целом доказывает справедливость вероятностной модели для русского стиха. Однако есть корпус текстов прозы, который обнаруживает несколько иную картину в распределении случайных ямбов. Этот корпус образуется, в основном, прозой поэтов. Исследования М.А. Красноперовой и Е.В. Казарцева показали, что в целом ритмика прозы поэта отличается от того, что предсказывает языковая модель, и это отличие, хоть и небольшое, но стабильное, всегда отличает языковую модель от речевой в сторону ее сближения с ритмической реальностью стиха. Это относится, прежде всего, к ритмике прозы Пушкина, а также прозы некоторых других поэтов [Красноперова 1996, 2004; Казарцев 1998, 2017]. Следует сказать, что эти исследования требуют продолжения и, соответственно, расширения материала. Именно эта задача отчасти реализуется в представленной здесь работе.¹

Проведенные нами исследования показывают, что в раннем творчестве Пастернак старается избегать специфических поэтических тенденций в прозе. Более того, в этот период ритмика его стиха прозаизируется, профиль ударности его Я4 соответствует в целом показателям языковой модели, построенной по словарю его собственной прозы. Мы предположили, что в микроситуации стиха внутри прозы поэт может обнаружить те тенденции, которые были скрыты, которые сознательно подавлялись, те тенденции, что были характерны для классического русского ямба, в частности, альтернирующий ритм его ударений на четных и нечетных иктах, складывающийся под действием закона регрессивно-акцентной диссимилиации (ЗРАД). Для того, чтобы проверить эту гипотезу, мы выбрали из ранней прозы Пастернака стихоподобные фрагменты особым методом: отбирались лишь те случайные Я4, которые представляют собой синтагматически цельные фрагменты.² Предполагается, что в такой ситуации поэт оказывается в наиболее стихоподобных условиях, и скрытая поэтическая тенденция может проявиться с большей силой.

¹ Исследование проведено на основе новейшей компьютерной системы анализа стиха и прозы, разработанной под руководством проф. Е. В. Казарцева в рамках проекта «Современные модели поэтики: реконструктивный подход», поддержанного Российским научным фондом в 2016–2020 гг.

Тем не менее, анализ ритмики таких фрагментов также не позволяет нам выделить какие-либо явные особенности, отличающие речевую модель от того, что предсказывает вероятностная, данные РМ и ЯМ близки (см. рис. 1, табл. 1).

Рисунок 1. ЯМ и РМ по тексту «Охранной грамоты» и ритмика стиха

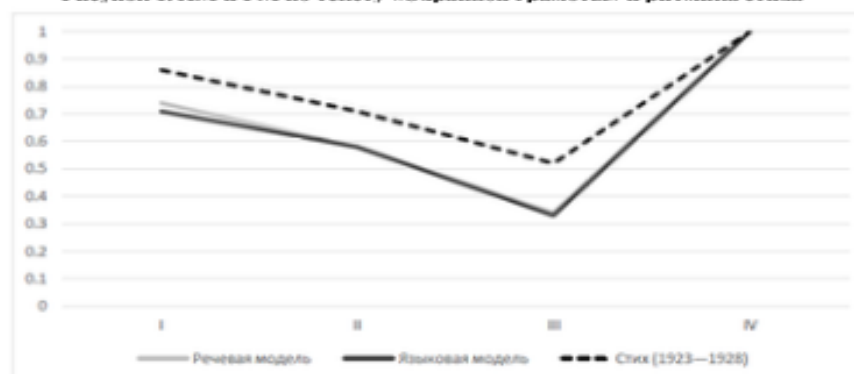

Таблица 1. Данные к рисунку 1

СМ	I	II	III	IV
Языковая модель	0,719	0,589	0,331	1,000
Речевая модель	0,740	0,584	0,347	1,000
Стих	0,869	0,712	0,521	1,000

Как мы видим на графике и в соответствующей таблице под ним, распределение ритмических структур, предсказанное ЯМ, соответствует тому, что реализуется в тексте, т. е. в РМ, построенной по данным о распределении синтагматически цельных фрагментов прозы. И в той, и в другой модели диаграммы профилей ударности сходны, они носят рамочный характер, когда наиболее ударны первый и последний икт, сильное место (СМ) в стихе. При этом второе СМ ударяется значительно реже первого, а третье – оказывается «слабее» всех СМ, оно реализуется значительно реже, чем второе. Аналогичный профиль ударности мы видим и в стихе у раннего Пастернака, только в реальном ямбе каждая из позиций ударяется, как правило, чаще. Это происходит потому, что ударность стиха в целом всегда выше, чем предсказывают модели.

Тем не менее в образцах поздней прозы этого поэта наблюдается несколько иная картина. Здесь РМ значительно отличается от языковой модели и сближается с той стихотворной тенденцией, которую мы обнаруживаем в ранних поэмах Пушкина, а также в речевых моделях, построенных по прозе Пушкина. Мы склонны считать, такая ритмика случайных ямбов могла возникнуть под влиянием ритмики стиха, испытывающего действие ЗРАД. Напомним, что в целом на основе прозы Пушкина было выявлено влияние стиха на прозу поэта (см. исследования Казарцева [Казарцев 1998, 2015]).

В отличие от пушкинских ямбов стих Пастернака почти всегда сохранял строго рамочный профиль, здесь действие ЗРАД не прослеживается – ритм поздних ямбов этого поэта складывается, также как и ритм его раннего стиха, в рамочный тип распределения основных ударений на иктах, что в целом соответствует тому, что предсказывает языковая модель. Однако речевая модель в этом случае отклоняется от языковой и сближается с пушкинской РМ и с данными пушкинских ямбов: и в той, и в другой модели практически выравниваются показатели первого и второго СМ, то же явление наблюдается в стихе Пушкина. Таким образом, получается, что Пастернак несмотря на то, что, очевидно, подавляет действие ЗРАД в реальном стихе, обнаруживает бессознательное проявление этого закона в условиях микроситуации стиха в прозе (см. рис. 2 и табл. 2).

²Такой способ отбора «случайных ямбов» был впервые предложен В. Е. Холшевниковым [Холшевников, 1985].

Рисунок 2. ЯМ и РМ А. С. Пушкина и Б. Л. Пастернака в сравнении с ритмикой ранних поэм Пушкина

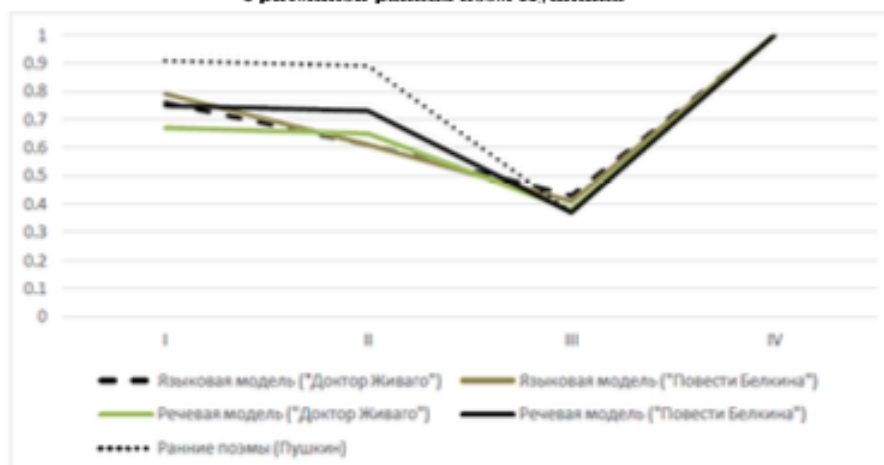

Таблица 2. Данные к рисунку 2

СМ	I	II	III	IV
Языковая модель («Повести Белкина»)	0,793	0,612	0,417	1,000
Языковая модель («Доктор Живаго»)	0,766	0,612	0,438	1,000
Речевая модель («Повести Белкина»)	0,755	0,730	0,372	1,000
Речевая модель «Доктор Живаго»	0,670	0,650	0,380	1,000
Ранние поэмы (Пушкин)	0,910	0,898	0,372	1,000

На рисунке 2 и в таблице 2 представлены данные по распределению ударений на иктах, которые предсказывает ЯМ, построенная по словарю «Доктора Живаго» Пастернака и, соответственно, две речевые модели – первая по тексту «Доктора Живаго» и вторая, по прозе Пушкина («Повести Белкина»), а также данные по ранним поэмам Пушкина. Мы видим, что РМ Пушкина и РМ Пастернака оказываются сходными и напоминают ранний стих Пушкина. Для такого ямба характерно «равновесие» первого и второго икта, что было типично в так называемый переходный период, выделяемый К.Ф. Тарановским, когда рамочный профиль ударности Я4 постепенно сменялся альтернирующим под действием ЗРАД. Данное распределение не характерно для языковой модели и является сугубо стиховым явлением. На основе этих данных мы склонны считать, что в ранней прозе Пастернак избегает стихотворных тенденций, а в позднем романе наоборот проявляются характерные тенденции русского Я4, идущие от Пушкина, они проявляются бессознательно, несмотря на общую прозаизацию ритма русских ямбов в XX веке.

На следующем этапе проведем аналогичным образом анализ прозы другого выдающегося поэта и писателя XX, В.В. Набокова. К исследованию были также привлечены образцы ранней («Машенька») и поздней («Дар») прозы этого автора, а также «промежуточный» роман, «Защита Лужина». Оказалось, что речевая модель, построенная по ритмике романа «Машенька» существенным образом отклоняется от языковой, и это отклонение во многом напоминает ритмику стиха Набокова, еще не подверженного процессу прозаизации (см. рис. 3 и табл. 3).

Рисунок 3. Сравнение ЯМ и РМ по роману «Машенька» на фоне ритмики стиха

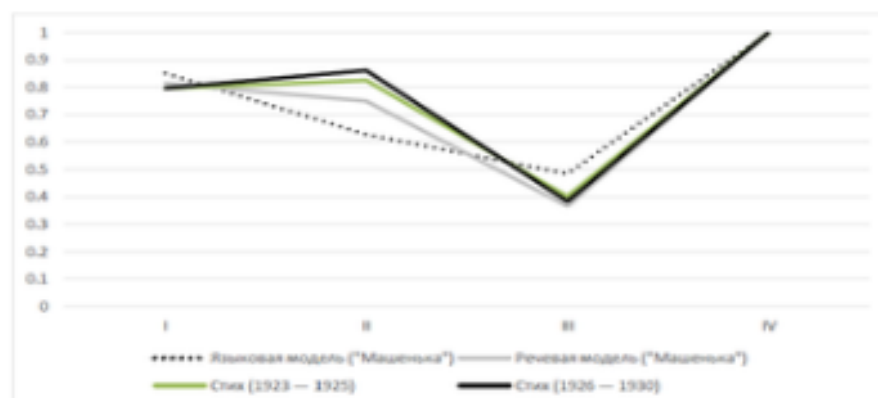

Таблица 3. Данные к рисунку 3

СМ	I	II	III	IV
Языковая модель «Машеньки»	0,851	0,628	0,484	1,000
Речевая модель «Машеньки»	0,814	0,749	0,366	1,000
Стих (1923–1925)	0,796	0,825	0,401	1,000
Стих (1926–1930)	0,796	0,861	0,383	1,000

Графики на рисунке 3 показывают явное отклонение статистики случайных ямбов в прозе от вероятностных показателей, при этом эти отклонения коррелируют с тем распределением ритмических структур, которые встречаются в реальном стихе Набокова данного периода, что проявляется прежде всего в повышении ударности второго икта, понижению ударности первого и третьего икта по сравнению с тем, что предсказывает языковая модель. Эти показатели дают основания считать, что в ранней прозе в стихоподобных условиях Набоков испытывал влияние собственного стихотворного опыта. В дальнейшем это влияние заметно ослабевает (см. рис. 4).

Рисунок 4. ЯМ и РМ по роману «Защита Лужина» (1929 г.)

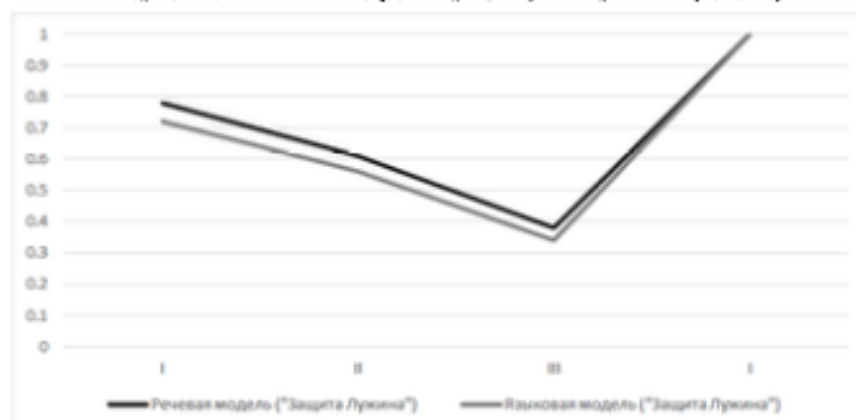

Таблица 4. Данные к рисунку 4

СМ	I	II	III	IV
Языковая модель («Защита Лужина»)	0,823	0,616	0,459	1,000
Речевая модель («Защита Лужина»)	0,785	0,611	0,421	1,000

Получается, что в конце 1920-х годов и в начале 30-х наблюдается выравнивание показателей ЯМ и РМ. Можно сказать, что ритм прозы удаляется от стиха, стиховая тенденция, связанная с действием ЗРАД, полностью исчезает. В дальнейшем такая «прозаизация», очевидно, не ослабевает. В этом убеждает

анализ ритмики романа «Дар» (рис. 5, табл. 5).

Рисунок 5. ЯМ и РМ по роману «Дар» (1935–1937 гг.)

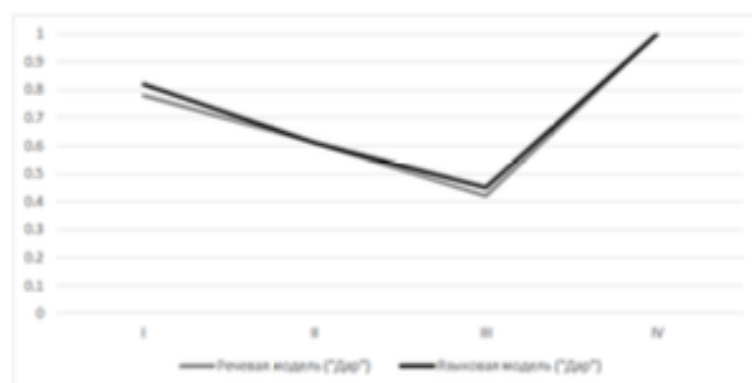

Таблица 5. Данные к рисунку 5

	I	II	III	IV
Языковая модель («Дар»)	0,720	0,563	0,349	1,000
Речевая модель («Дар»)	0,780	0,619	0,380	1,000

Показатели речевой и языковой модели, полученные на основании анализа ритмики романа «Дар» также практически совпадают. Совершенно очевидно, что никаких специфически стихотворных тенденций в зрелой прозе Набокова в данном случае не наблюдается.

Данные проведенного анализа в целом поддерживают высказанную ранее Красноперовой и Казарцевым гипотезу о влиянии стихотворного опыта на прозу поэта. Тем не менее проявление этого влияния в творчестве двух исследуемых писателей отличается: если Пастернак в ранней прозе старался полностью избегать какого-либо стихотворного влияния, имеется в виду альтернирующая тенденция ударности СМ, и столь же активно подавлял действие ЗРАД в своем поэтическом творчестве, а в поздней прозе, напротив, у него проявляется пушкинская стиховая тенденция, то у Набокова мы встречаем совершенно иную картину. В ранней прозе Набоков ведет себя как поэт, а в поздней как прозаик. Поэтические тенденции обнаруживаются в случайных четырехстопниках у Набокова в раннем творчестве, в середине 1920-х гг., а к уже к 1930-м гг. эти тенденции исчезают. Ритм прозы становится совершенно «прозаическим».

Таким образом, в процессе эволюции просодика случайных ямбов в прозе Пастернака «поэтизируется», уподобляется стиху, а у Набокова она «прозаизируется», сближается с предсказаниями языковой модели. Богатый поэтический опыт Пастернака, его тесная связь с русской поэтической традицией, с классическим стихом со временем проявляется в ритмике его прозы, у Набокова эта связь, очевидно, ослабевает.

Литература

1. Казарцев Е.В. Ритмика «случайных» четырехстопных ямбов в прозе поэта // Вестник СПбГУ. Серия 2: История, языковедение, литературоведение, выпуск 1 (№2), 1998. – С. 53-61.
2. Казарцев Е.В. Стихоподобные фрагменты прозы А.С. Пушкина, А.К. Толстого, Ф.К. Сологуба и Б.Л. Пастернака в контексте эволюции русского стиха // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № XI. – С. 236-244.
3. Красноперова М.А. К вопросу о распределении ритмических слов и случайных ямбов в художественной прозе // Русский стих. – М., 1996. – С. 163-181.
4. Красноперова М.А. Основы сравнительного статистического анализа ритмики прозы и стиха // Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 152 с.
5. Колмогоров А.Н. Пример изучения метра и его ритмических вариантов // Теория стиха. Л.: Наука, 1968.
6. Колмогоров А.Н., Прохоров А.В. Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики классического русского стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1985. – С. 134-142.

7. Холщевников В.Е. Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 134-143.
8. Шенгели Г.А. Трактат о русском стихе. Органическая метрика. – М.-Пр.: Гос. изд-во, 1923. – 184 с.
9. Kazartsev E. The Rhythmic Structure of "Tales of Belkin" and the Peculiarities of a Poet's Prose. A Convenient Territory. Russian Literature at the Edge of Modernity. Essays in Honor of Barry Scherr. Edit. J.Kopper & M. Wachtel. Columbus : Slavica, 2015. – P. 55-65.

Ж.Е. Кенжебаева
(Республика Казахстан, г. Атырау)

АКРОТЕЗА В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Теория антонимии издавна привлекает внимание исследователей и продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Исследования осуществляются на материале определенного национального языка [1] в сопоставительном плане на материале нескольких языков [2], исследуется антонимия словообразовательного [3], лексического [4], фразеологического [5], грамматического [6] уровней.

Антонимы как средство художественной выразительности мастерски использовались многими писателями и поэтами. В значительной мере это было характерно для творчества русской поэтессы Серебряного века Анны Андреевны Ахматовой. Контрастность восприятия мира отмечается многими исследователями [7; 8] как одна из особенностей ее поэзии, способствующая диалектическому изображению действительности со всеми ее противоречиями и противопоставленными явлениями, а также созданию глубокого психологизма, свойственного ахматовскому творчеству.

Стилистические функции антонимов находят выражение в особых фигурах речи, используемых при реализации эстетической функции языка.

Одной из стилистических фигур, построенных на основе антонимии, является акротеза. Данным термином обозначается «подчеркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного» [9, 426].

Некоторые исследователи трактуют акротезу как разновидность антитезы, в то время как другие разграничивают данные явления [10, 177].

Акротеза утверждает один из членов оппозиции за счет отрицания другого. Эта фигура становится необходимой для выражения авторской позиции, уточнения и дифференциации понятий:

И ты ушел. *Не за победой,*
За смертью. Ночи глубоки!
О ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.
(О нет, я не тебя любила)

Функцию акротезы выполняют исключительно контекстуальные антонимические оппозиции, построенные по формулам:

не X // Y:

Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи, -
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной *любви.*
(Эта встреча никем не воспета);
Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы -
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.
(Не тайны и не печали);

X, а не Y:

И не похожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами ***плот,***
А не квадратика паркета.